

Перед тем как семья Шэн уехала из префектуры Цюань, слугам, которые не хотели расставаться с семьями, друзьями или домом, было разрешено разорвать контракты; им даже выплатили повышенное жалованье. После этого все восхваляли Его Величество Шэна как самого доброго, чистосердечного человека, любящего всех людей без исключения.

Шен Хун выбрал благоприятную дату для переезда и ранним утром приказал всем в семье готовиться к путешествию. В поместье семьи Шэн было много людей: естественно, у них было много багажа. Для того чтобы перевезти этот багаж понадобилось семь или восемь лодок. Шэн Хун опасался, что с этим могут возникнуть проблемы, поэтому он отправил своих самых доверенных слуг на грузовое судно, которое перевозило багаж. Они прибыли первыми и у них было время, чтобы подготовить новое поместье.

Поскольку теперь Яо Ии должна была находиться рядом с Ван Ши, их разместили в соседних комнатах по правому борту корабля. Ей прислуживали новые, незнакомые ей служанки, но это не слишком-то её заботило, поскольку ей было просто лень запоминать их всех. Дни текли, как и прежде: единственными её занятиями были еда и сон, причём она была не способна ни есть, ни спать слишком много. Пока у неё была морская болезнь, юная госпожа Шэн Жулань, жившая вместе с ней, была в полном восторге от путешествия и от открывавшихся видов. С горящими от интереса глазами она рассматривала всё вокруг. А когда ей, наконец, это надоедало, она подходила к своей «глупенькой» шестой младшей сестре и с энтузиазмом описывала всё, что ей удалось увидеть.

Жулань редко покидала поместье, так что её интересовало буквально всё, даже пролетающая мимо ворона. С самого начала путешествия она продолжала размахивать своими жирными пальцами и продолжала восторгаться по пустякам. Когда Ван Ши не смогла, наконец, этого выносить, она осадилась её всего несколькими словами, после чего Жулань ходила угрюмая, опасаясь высываться из иллюминаторов корабля. Поэтому она стала всё чаще приходить и всё дольше разговаривать с Яо Ии. От подобных продолжительных разговоров Яо Ии настолько уставала, что под конец у неё даже не оставалось сил выдать из себя «ага» или кивнуть.

— Мамочка, мне кажется, что моя шестая младшая сестра очень глупая. Она не может даже поговорить со мной, — весьма прямолинейно высказывала недовольство своим попутчиком шестилетняя Жулань.

— Не говори глупости, пятая младшая сестра, Минлань болеет, я слышал об этом вчера. Она младше тебя больше, чем на год, и она недавно потеряла свою маму, наложницу Вэй. Тебе нельзя задирать её, — сказал Шэн Чанбай, мальчик двенадцати лет, высокого роста, с прямыми, но при этом изящными чертами лица, сидящий около окна с книгой в руках.

— Но она разговаривала вчера! Я слышала, как она просилась в туалет. Старшая сестра, скажи ему, ты ведь тоже это слышала! — сказала Жулань и дёрнула Яо Ии за косичку. Однако Яо Ии, лежащая на мягком диванчике, никак не отреагировала и даже не пошевелилась: похоже было, что она опять уснула.

— Хватит, Жулань! — сказала юная госпожа Шэн Хуалань. Ей было всего лишь тринадцать с половиной лет, однако она выглядела старше своих лет. Она была красива подобно цветущей

белой орхидее. Она сидела за столом и рассматривала вышивальные узоры. — Хватит делать из всего трагедию! На протяжении всей поездки ты не замолкаешь и нисколько не пытаешься поддерживать облик благородной девушки. Если ты опять будешь шуметь, я пойду к отцу и попрошу, чтобы он в наказание заставил тебя переписывать тексты. Посмотрим, останутся ли у тебя после этого силы на то, чтобы бегать повсюду и докучать другим.

Жулань поникла. Судя по всему, она слегка побаивалась своей старшей сестры. Нехотя она слезла с диванчика, на котором лежала Яо Ии, ушла в другую часть комнаты и принялась играть в «кошачью колыбель». Когда она оказалась за спиной Хуалань, она не удержалась и показала ей язык.

Вскоре после этого в комнату вошла личная служанка Хуалань. Хуалань отложила вышивку в сторону и спросила:

— Ну как?

— Всё так, как вы предполагали, госпожа, — служанка улыбнулась. — Тут явно что-то происходит. Но, к счастью, мы на корабле, поэтому всё находится в нашей досягаемости. В случае чего, всё, что они смогут, это плакать и жаловаться. Изначально я хотела узнать больше, но тётя Лю выставила меня.

Хуалань улыбнулась, чувствуя облегчение. Чанбай отложил свиток в сторону и поинтересовался:

— Ты до сих пор осмеливаешься совать в это нос, даже после того, как отец запретил нам? Почему ты никогда не слушаешь? Ты думаешь, что целыми днями визнавать всяческие секреты — это поведение, соответствующее облику благородной девушки?

— И чего ты опять ноешь? — Хуалань закатила глаза. — Не лезь в мои дела, читай дальше, — после этого она отвернулась и продолжила шептать себе под нос. —...Если она действительно навредила отцу, что же было причиной? Нужно будет спросить маму сегодня вечером... Так тебе и надо!

Яо Ии, прикидывающаяся спящей, наострила уши. В этой комнате она была единственным человеком, который знал ситуацию целиком. Она знала, что то, что происходило сейчас на корабле, было куда более захватывающим, чем все эти виды, которыми восхищалась Жулань. После десяти дней в пути Шэн Хун уволил двух или трёх слуг и оставил их в ближайшем порту.

Обратите внимание, у всех них была фамилия Линь.

Изначально они были членами обедневшей семьи Линь, которые искали от неё помощи. За эти несколько лет они стали левой и правой рукой наложницы Линь. Вне поместья они помогали ей руководить фермой и магазином, тогда как внутри поместья они доставляли ей вещи и выполняли поручения. Они были прекрасными слугами, как не посмотри. Так что, когда Шэн

Хун выгнал их, они были шокированы и просили милости у столь же шокированной наложницы Линь.

Она всегда была внимательной, когда дело касалось вещей, связанных с ней. Поэтому она сразу поняла, что ей чего-то не договаривают. Она немедленно отправилась просить у Шэн Хуна снисхождения. Но в этот раз, сколько бы она не умоляла, Шэн Хун относился к ней холодно и продолжал игнорировать. К несчастью, все они были на корабле, так что все, что господа, что слуги, слышали всё. Поэтому она не могла просто сесть и начать играть на цитре или флейте, или как бы то ни было ещё показывать себя горюющей утончённой особой. Вкратце, она не могла воспользоваться ничем из своего арсенала. Она могла только беспомощно наблюдать за развитием событий, не имея возможности на них повлиять.

Ван Ши, напротив, просто лучилась счастьем, но из-за нынешнего положения вещей она не могла выказывать своё счастье публично. У неё не было иного выбора, кроме как контролировать свои эмоции: это очень сильно её выматывало. Однако её настроение заметно повысилось и все ощутили, что она стала более великодушной. Даже к Яо Ии она относилась словно к собственной дочери, предоставляя ей еду и одежду лучше, чем прежде.

Когда корабль остановился у берега, она незамедлительно пригласила доктора, чтобы тот осмотрел Яо Ии и вынес свой вердикт касательно её физического и умственного состояния. Но, к сожалению, Яо Ии не желала сотрудничать и вела себя так же, как и обычно. Она выглядела нездоровой как человек, страдающий от недоедания. И она всегда ходила с отсутствующим выражением лица от переизбытка сна.

Иногда Шэн Хун навещал Яо Ии. Каждый раз, приходя к ней, он выглядел всё более и более взволнованным. Каждый раз, когда он взвешивал её, его брови всё больше и больше хмурились. И после каждой подобной процедуры он поторапливал боцмана, желая поскорее прибыть в префектуру Ден и устроить своей дочери нормальное обследование.

К счастью, на дворе стояло раннее лето, так что южный ветер с каждым днём становился всё сильнее и сильнее, и корабль плыл всё быстрее. И спустя несколько дней они уже были неподалёку от столицы. И поскольку Шэн Хун всё ещё должен был выразить свою благодарность Императору и нанести визиты вежливости своим коллегам, помощникам, советникам и начальникам, он сошёл с корабля и отправился напрямик в столицу. Старшему сыну семьи Шэн было поручено доставить остальных членов семьи в Шаньдун.

Когда Шэн Хун покинул корабль, наложница Линь стала показывать своё истинное лицо. Она не покидала своей каюты и целыми днями занималась обучением своих детей. Её чистый и звучный голос разносился по всему кораблю и иногда был слышен даже на сопровождающих судах. Все моряки, наслушавшись её, были убеждены, что семья Шэн не зря несколько поколений была семьёй учёных. Они решили, что домашнее обучение играло в этом важную роль. Ван Ши была в ярости: она заставила Чанбая читать свои свитки во весь голос, чтобы остальные слышали и его. Несмотря на то, что Чанбай относился ко всему равнодушно и честно выполнял все поручения, когда он услышал требование матери, его изящное лицо приобрело оттенок переспелого баклажана.

Однако если бы кто-то спросил Яо Ии, она бы ответила, что даже баклажан был больше согласен учиться, чем он.

Яо Ии спала до тех пор, пока от этого ей не стало совсем плохо. Она не знала, сколько времени прошло, но в любом случае, это было неважно, ведь корабль, наконец, достиг места назначения. К тому времени Жулань уже порядком надоело сидеть на корабле. Чанбай уже закончил читать три своих книги, а Хуалань закончила вышивать четыре носовых платка.

На причале их прибытия уже ожидали слуги. Люди, сошедшие с корабля на берег, были грязными, и плохо себя чувствовали — им было непривычно ощущать под ногами твёрдую землю. Естественно, ни у кого не осталось приятных впечатлений о прибытии. Не тратя времени, они забрались в повозку, и следующая пара дней запомнилась им как бесконечная ухабистая дорога. К счастью, префектура Ден была прибрежной префектурой, так что их поместье располагалось недалеко от порта. Они приехали на нужное место даже до того, как пожилая госпожа Шэн окончательно выдохлась.

Поскольку Яо Ии была южанкой, ей было относительно привычно плавать на лодке, но ей было совершенно непривычно ездить в повозке. Так что эти пару дней она ужасно страдала от укачивания. Всё это время её тошнило. В её желудке не задерживалось практически ничего. На этот раз ей даже не приходилось притворяться, чтобы выглядеть больной. Напротив, она буквально боролась со смертью до тех самых пор, пока сильная, крепко сложенная пожилая служанка не внесла её на руках в поместье. Она жалела, что так и не смогла заметить, как выглядит их новое поместье в префектуре Ден, поскольку единственным, что её в тот момент волновало, был контроль собственного дыхания. Когда она очнулась, она лежала на кровати с подогревом. Каждый раз, как она просыпалась и открывала глаза, она обязательно видела у кровати доктора, качающего головой. Сначала это был мужчина в возрасте около сорока лет, потом седой дедушка, и потом достаточно пожилой бородатый мужчина с сединой в волосах. Согласно доктрине традиционной китайской медицины возраст доктора и авторитетность его заключений были прямо пропорциональны. Подразумевалось, что с годами доктора становятся всё мудрее и мудрее.

Однако, все три доктора, которых она видела, говорили одно и то же: нынешнее состояние шестой дочери семьи Шэн было вызвано не болезнью, а самой Яо Ии. У неё просто не было воли к жизни. Ван Ши смотрела на эту маленькую девочку, худую до такой степени, что все кости явственно проступали под её кожей, и чем дольше она смотрела, тем более неуютно ей становилось. Шэн Хун лично принёс Минлань в её покои: он ожидает, что Ван Ши будет заботиться о ней. Если Шэн Хун, вернувшись домой, увидит, что его маленькая дочь, Минлань, умерла от болезни, можно забыть о поддержании их и так едва ли тёплых отношений. Всем, что она получит от него, будет ненависть и отсутствие всякого доверия.

Но когда Шэн Хун вернулся и увидел свою дочь ослабшей, его гнев обратился на наложницу Линь. День после возвращения он потратил на улаживание официальных дел. Когда он закончил с этим, он принялся увольнять её слуг. Семья Шэн только недавно прибыла в префектуру Ден, так что местные понятия не имели о том, что у них происходит. И когда семья Шэн начала массово покупать и продавать слуг, общество восприняло это всего лишь как реорганизацию поместья после получения новой более престижной должности. В глубине души Шэн Хун был зол до такой степени, что он игнорировал наложницу Линь в течении двух дней и продал её самых умелых служанок. Более того, всё это время он ночевал в покоях Ван

Ши. Ван Ши была счастлива: она расцвела подобно цветку. Количество женьшеня в тарелке Яо Ии с каждым днём становилось всё больше и больше. Несмотря на то, что женьшень был прописан докторами, дабы укрепить тело Яо Ии, когда она увидела тарелку, полную исключительно женьшеня, она не на шутку испугалась.

Пока Ван Ши сияла, подобно тёплому весеннему деньку, наложница Линь ходила мрачная, словно дождливая ночь после похорон. Несколько раз наложница Линь приходила к Шэн Хуну, но её не пускали внутрь. Однако её нельзя было остановить так же легко, как любого другого человека, так что она не оставляла попыток. Однажды вечером, после ужина, Шэн Хун и Ван Ши обсуждали состояние Минлань. Все дети разошлись по своим комнатам, кроме самой Яо Ии, всё ещё спящей на кровати с подогревом у окна. Они уже успели обсудить состояние Яо Ии и перешли к вопросам покупки имущества в префектуре Ден, когда они внезапно услышали шум за дверью. Судя по звукам, служанки снаружи пытались не пустить кого-то внутрь. Ван Ши приказала Лю Кун посмотреть, что там происходит, когда внезапно мягкая шёлковая занавеска была отдёрнута в сторону, и в комнату вошёл человек. Само собой, этим человеком была наложница Линь.

На ней не было ни одного украшения, ни единой жемчужины, ни единого кусочка нефрита. Её волосы были связаны в самый простой узел, а на её лице не было макияжа.

От природы она была наделена удивительно чарующим голосом. Это, в сочетании с тёмно-синей шёлковой накидкой, подчёркивающей её прекрасную белоснежную кожу, нахмуренные брови и тонкую талию, делало её облик по-настоящему вызывающим жалость.

Однако звуки борьбы продолжали доноситься из-за двери. Очевидно, наложница Линь привела свою собственную армию служанок, чтобы прорваться через баррикады. Шэн Хун немедленно отвернулся от неё, тогда как Ван Ши не смогла сдержать гнев и стукнула ладонью по кровати, воскликнув:

— Зачем ты заявила сюда в таком виде? Призраком прикидываешься?! Если тебе нечего делать, тогда сиди в своих комнатах! На что ты надеялась, заявившись сюда в таком виде и с таким шумом, который может перебудить всё поместье? Ты переступаешь все границы дозволенного! Эй, вы, немедленно выставите её!

После этих слов в комнату вбежало несколько служанок, чтобы вывести её.

— Вам не позволено прикасаться ко мне! — наложница Линь не пожалела усилий, чтобы вырваться из хватки служанок, после чего подбежала к Шэн Хуну и упала на колени перед его ногами. С твёрдым голосом и решительным выражением лица она воскликнула:

— Господин, Госпожа, я пришла сегодня, потому что я хочу высказаться, и если мне не позволят этого сделать, то я ударюсь головой о стену и умру здесь, ибо я не собираюсь страдать молча!

— Хватит угрожать нам своей смертью, — холодный голос Шэн Хуна разнёсся по комнате. — Я

всегда относился к тебе с добротой и щедростью, а ты воспользовалась этим и поступила так, как не всякая женщина с базара поступит. Устроила настолько ужасное представление.

— Эти несколько дней я словно задыхаюсь, — из глаз наложницы Линь покатались слёзы. — Я чувствую себя так, словно моё сердце бросили в кипящее масло, — её голос дрожал. — Я хотела поговорить с господином, но он не хотел меня видеть! Я страдаю из-за этого чувства, я словно увядаю изнутри. Но господин, вы же чиновник, вы же работаете с обычными людьми! Столкнись вы с мелким воришкой, вы же останетесь терпимым и обсудите с ним всё, как подобает? Ну а я? Я служила господину все эти годы, вырастила для вас сына и дочку. Пускай вы захотите, чтобы я умерла, но разве не заслужила я знать, почему?

Шен Хун вспомнил последние минуты жизни наложницы Вей и ощутил, как внутри него словно разгорается пламя. В гневе он швырнул чайную чашку на пол и вскричал:

— Всё из-за того, насколько «прекрасно» ты поступила в своё время!

— Мой милый Хун!.. — наложница Линь продолжала плакать, эмоции словно душили её, голос был сдавленным.

Ван Ши, переполненная злостью, вскочила с кровати и рывкнула на служанок:

— Вы что, все там умерли что ли? Вышвырните её отсюда немедленно!

— Госпожа... — наложница Линь подняла голову. — Вы так не хотите, чтобы я говорила! Неужели вы боитесь, что я расскажу что-то плохое?

— Что за чушь ты несёшь? Не впутывай меня в свои интриги! Чего мне бояться?

— Если вы столь бесстрашны, тогда пообещайте! Позвольте мне высказаться, пусть господин сам решит, кто прав, а кто виноват!

Ван Ши побелела от злости, её сердце колотилось как бешеное. Наложница Линь в свою очередь продолжала плакать, так что невозможно было найти подходящих слов, чтобы описать происходящее в комнате. Но Шэн Хун всё же был чиновником и он понимал, что лучше позволить всем сторонам высказаться, так что он приказал служанкам позвать своего помощника, Лайфу. Домоправительница Лю Кун оживилась и немедленно отправила всех своих служанок на его поиски. Спустя всего пару минут Лайфу вошёл в комнату. Кивнув в ответ на приказ Шэн Хуна, Лайфу развернулся и вышел из комнаты. Некоторое время спустя он вернулся вместе с несколькими служанками низкого ранга, которые жались друг к другу, не понимая, что происходит. Войдя в комнату, он приказ всем слугам, не связанным с происходящим, отправиться в главный двор.

Шен Хун, Ван Ши, наложница Линь, домоправительница Лю Кун и Лайфу были единственными,

кто остался в доме. Ах, да, была же ещё вечно спящая Яо Ии, которая в данный момент лежала на кровати, но в такой суматохе все забыли о ней. К слову о Яо Ии, она с радостью бы ушла отсюда и не слушала всё это импровизированное заседание суда, но... Лучшим, что она могла сделать, это продолжить притворяться спящей.

Наложница Линь вытерла слёзы, и скорбным голосом принялась вещать:

— За эти несколько дней я так и не смогла понять, что именно я сделала не так. Господин полностью игнорирует меня, но при этом продолжает разбираться со всеми, кто меня окружает. Сначала исчезли два члена семьи Линь, которые искали здесь убежища, затем две моих самых приближённых служанки, а потом даже няня, служившая мне с самого детства! Из-за того как господин ведёт себя, я даже не понимаю, что вообще происходит?

— Хорошо, — холодно произнёс Шэн Хун. — Сегодня я объясню тебе всю суть проблемы. Но вначале ответь мне на один вопрос: как именно умерла наложница Вэй?

Судя по всему, наложница Линь вовсе не была удивлена этим вопросом. Она лишь грустно улыбнулась и ответила:

— С тех самых пор, как сестрёнки Вей не стало, я знала, что этот день придёт. Когда мы ещё жили в префектуре Цюань, все служанки распускали слухи о том, что это именно я навредила наложнице Вэй. Изначально я думала, что это закончится так же, как и все их другие беспочвенные байки. И, поскольку господина ожидало повышение, я не посмела тревожить его по такому пустяку и смиренно ожидала, пока слухи утихнут сами собой. Я уже подумывала о том, чтобы всё же пойти и очистить своё имя от клеветы, но вскоре слухи прекратились. Но я не ожидала, что господин действительно усомниться во мне! — по её щекам вновь покатались слёзы.

— Не смей говорить, что я ошибся! — Шэн Хун был в ярости. — Почему, когда наложница Вэй рожала, ты так медлила? Почему не отправила ей повитуху? Почему в её покоях не было никого, способного помочь?! В тот день Ван Ши и я отправились в гости к семье Ван, и только ты оставалась в доме. Если не ты это сделала, то кто?

Пальцы наложницы Линь были такими же, как белый нефрит, когда она прижала руки к щекам. Она скорбно произнесла:

— Господин, помните ли вы, что госпожа сказала мне в тот день, несколько лет назад, когда умерла третья молодая госпожа? Госпожа сказала мне меньше заботиться о делах других наложниц и вместо этого следить за собой. В тот день, когда господин и госпожа уехали, я, зная своё место, просто оставалась в своих покоях. Господин, вы же мудрый человек, вы же понимаете, что когда главы дома уезжают, слуги не будут работать усердно, они будут отдыхать и развлекаться. Большинство служанок, в том числе и те, которые знали, как принимать роды, попросту не вышли на работу. А я не так давно живу в этом доме, и у меня просто нет достаточной власти, чтобы приказать им работать.

Шен Хун холодно хмыкнул, но не сказал ни слова. Ван Ши повернула голову и посмотрела на Лю Кун. В её глазах можно было заметить тревогу.

— Когда внезапно слуги пришли и сообщили мне, что наложница Вэй вот-вот родит, — продолжила наложница Линь. — Я немедленно приказала всем слугам и охранникам, в данный момент присутствующим в моих покоях, привести повитуху. Но кто же знал, что все охранники и старшие слуги в этот момент пили и играли? Моя личная служанка побежала за своими родителями, но они собирались очень медленно. Спустя некоторое время я вышла и спросила охранника о том, как продвигаются поиски. Он ответил, что ближайшей повитухи в городе не было дома, поэтому они отправились почти за десяток ли на запад, чтобы поискать других. Вот почему это дело так затянулось, господин. Пусть Небеса будут свидетелями того, что я говорю правду! Каждое моё слово истинно! Если я вру, если я действительно хотела навредить наложнице Вэй, пусть Небеса покарают меня, пусть гром разразит меня! Если вы до сих пор не верите мне, господин, спросите служанок у дверей, когда именно в тот день я начала искать повитуху, кто-то же должен был слышать! — договорив, она вновь заплакала.

Шен Хун повернул голову и смерил Ван Ши долгим взглядом. Сердце Ван Ши колотилось, она бросила взгляд на Лю Кун, увидев, что та смотрит на неё, нахмурившись. Следует отметить, что большинство пожилых служанок, знавших как принимать роды, служило в покоях Ван Ши, и вышеупомянутой охраной тоже руководила она. Даже если Шэн Хун не заподозрил её в виновности в произошедшем, ей было всё равно не избежать наказания за плохое руководство.

— Как хитроумно ты всё это обставила. У тебя ведь нет ни капли стыда, верно? — Ван Ши не знала, что ещё сказать. Было очевидно, что ситуация складывалась не в её пользу.

Наложница Линь на коленях подползла к ней и замерла около кровати. Её прекрасное лицо в слезах было столь же красивым, как полная луна. Переполняемая эмоциями, она медленно произнесла:

— Не существует человека без единого недостатка, и я не исключение. Я была слишком робкой и не желала принять ответственность. Если бы в тот день я лично присутствовала у наложницы Вей и чётко руководила всеми слугами, тогда сестрёнка Вей не умерла бы столь молодой... Но я боялась взять на себя ответственность, что люди начнут распускать слухи. В итоге я оказалась неправа, но если вы хотите сказать, что этим я умышленно навредила сестрёнке Вей, то я не соглашусь, даже если я встречу Яму в аду! Даже перед ним я не признаюсь в преступлении, которого я не совершала! В конце концов, я выросла образованной, как я могу не понимать важности человеческой жизни?

Шен Хун сел, не произнеся ни звука.

Ван Ши была очень зла, но только она собралась возмутиться, как наткнулась на предупреждающий взгляд Лю Кун и усилием воли смогла удержать себя от ругани. Наложница Линь пару раз всхлипнула и произнесла дрожащим голосом:

— Господин, госпожа, мне с самого начала не на кого было положиться. Я до сих пор жива

только благодаря поддержке господина, и если господин отвергнет меня, будет лучше, если я умру в тот же момент. В прошлом я была дочерью уважаемой семьи и наша пожилая госпожа хотела выбрать для меня мужа, однако я отринула стыд и выбрала участь наложницы семьи Шэн, поскольку я восхищалась господином и хотела быть с ним всегда. Пускай я буду терпеть насмешки, пускай слуги будут смотреть на меня сверху вниз, я смиренно приму всё это. В конце концов, это именно я захотела быть здесь... Так же я понимаю, что я спровоцировала вас, старшая сестра, и заставила вас злиться и молча страдать. Старшая сестра, вы можете винить, ненавидеть меня, я приму всё это и не осмелюсь перечесть вам. Я лишь надеюсь, что вы простите меня, за то, что я лишилась рассудка от любви к господину. Можете обращаться со мной как с домашним зверьком, мне нужна лишь крыша над головой, немного еды и возможность видеть господина хотя бы изредка. Пусть меня отругают тысячу раз и проклянут десять тысяч раз, я не усомнюсь в своём выборе. Госпожа, сегодня, в присутствии Лайфу и Лю Кун, я преклоняюсь перед вами. Я прошу всего лишь снисхождения! — договорив, она склонилась в земном поклоне, раз за разом ударяясь лбом об пол.

Сердце Шэн Хуна дрогнуло. Он вскочил с кровати и поднял наложницу Линь на ноги.

— Всё хорошо. Зачем ты так поступаешь?

Наложница Линь подняла голову, пересекаясь взглядом с Шэн Хуном. В её глазах расцвели тысячи оттенков нежности, которые оттеняла грусть. Они засмотрелись друг на друга в повисшей тишине, но она внезапно резко отвернулась и бросилась к ногам Ван Ши, умоляя сквозь плач:

— Прошу госпожу о снисхождении. Я готова принять любые побои, любое наказание! Просто, пожалуйста, не относитесь ко мне как к злому и ужасному человеку. Если я не справляюсь с чем-то, просто устройте мне выговор, и я приму всё, что вы скажете, госпожа! — она продолжала плакать и просить до тех пор, пока её голос не охрип. Тяжело дышащая, с опухшими и покрасневшими глазами, она повисла на ноге Шэн Хуна. Шэн Хун, не выдержав этого, наклонился и поддержал её.

«Как хорошо сыграно!»

Яо Ии не удержалась и слегка приоткрыла глаза. Шэн Хун выглядел ошеломлённым, тогда как Ван Ши была зла настолько, что её лицо позеленело, а губы побелели. Она была не способна выдавить из себя ни слова. Она дрожала так, словно её лихорадило. Лайфу выглядел ошарашенным. Лю Кун вздохнула, в её вздохе прослеживалась мысль «я здесь бессильна».

Поразительный ораторский талант госпожи Линь чудесным образом взбодрил Яо Ии, и избавил её от ступора и желания спать до самой своей смерти. Наложница Линь — молодая девушка, рождённая в семье чиновников и попавшая в тяжёлое положение, смогла выжить и, более того, жить как принцесса в течении последних десяти лет... и несмотря на всё это была готова признаться в своей безрассудной страсти, преклонять колени и умолять, если того требовала ситуация, плакать крокодильими слезами и бороться всеми силами, что у неё были.

Яо Ии спросила себя: если наложница Линь смогла всё это, почему же она позволяет себе быть такой трусливой и слабовольной? Позволяет себе отворачиваться от реальности? Ведь то, что она переродилась в этом времени и в этом месте — не приговор, а всего лишь невезение.

Так, прохладной летней ночью, одна профессиональная любовница с поразительными навыками актёрского мастерства, наконец, пробудила в Яо Ии желание жить.

Примечания:

Кошачья колыбель - это игра, в которую могут играть один, два и более человек. Для этой игры используется веревочка, которую надевают на пальцы играющих, которые стараются сложить разные узоры из нее. Эта игра пользуется невероятной популярностью во многих странах.

Крокодильи слёзы - Фальшиво, неискренне выказывать сожаление или сочувствие тому, кого сами же и погубили. В общем, ненастоящие слёзы.

<http://tl.rulate.ru/book/5280/321394>